

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА СКРЕБЦОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7825-1120; t.skrebtsova@spbu.ru

В НАТУРЕ, ПО ЖИЗНИ, В РЕАЛЕ, ПО ФАКТУ: НОВЫЕ МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Анализируются дискурсивные маркеры, вошедшие в русский язык в последние три десятилетия и связанные с выражением эпистемической модальности. Объектом рассмотрения являются новые маркеры реальности, не получившие подробного описания в научной литературе. Опираясь на материалы Национального корпуса русского языка, автор анализирует их семантику и особенности функционирования в речи. Отмечаются черты, присущие всем дискурсивным маркерам реальности: сочетание смысловых компонентов ‘достоверность’ и ‘уверенность’, тенденция к десемантизации и прагматикализации значения, словарное определение посредством отсылки к центральным членам данной группы языковых единиц. Наличие семантически и грамматически разнородных контекстов употребления позволяет констатировать полисемию. Вместе с тем отнесение того или иного употребления конкретного маркера к определенному значению нередко затруднено их диффузией. График распределения по годам наглядно демонстрирует подвижность данной группы языковых единиц, которая обуславливает необходимость их своевременной фиксации.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, маркер реальности, эпистемическая модальность, десемантизация, прагматикализация, субъективизация

Для цитирования: Скребцова Т. Г. *В природе, по жизни, в реале, по факту: новые маркеры реальности* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1056

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает традицию исследования дискурсивных маркеров (иначе: дискурсивных слов, прагматических частиц) – метакоммуникативных элементов, выполняющих важную функцию, связанную с организацией хода разговора, обеспечением его связности и правильной интерпретации реплик собеседников.

Затрудняясь со строгим определением, исследователи, однако, единодушны в том, что дискурсивные маркеры выделяются в особый класс языковых единиц именно по функциональному (а не грамматическому или семантическому) признаку. По мнению автора пионерской работы в данной области – американского лингвиста Деборы Шиффрин, они представляют собой инструкцию относительно того, каким образом следует рассматривать поступающее высказывание: как ориентированное на говорящего или слушающего, на предшествующий или будущий текст, на информацию или оценку и пр. Дискурсивные маркеры образуют своеобразные «контекстуальные координаты» при порождении

и интерпретации высказывания [10: 312]. Схожим образом отечественные исследователи отмечают, что дискурсивные слова

«обеспечивают связность текста <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего <...> выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [1: 7].

Разнородность дискурсивных маркеров в том, что касается их происхождения, грамматических и семантических свойств, обуславливает отсутствие четких границ у данного класса слов и, следовательно, невозможность его исчисления. Как правило, исследователи обращаются к рассмотрению отдельных единиц или ряда функционально схожих единиц. Настоящая работа не является исключением. Ее предмет составляют дискурсивные маркеры, служащие для выражения субъективной (эпистемической) модальности.

Эпистемическая модальность может быть определена как оценка говорящим сообщаемого как соответствующего или не соответствующего

действительности с точки зрения его знаний [8: 162]. Такая оценка варьируется вдоль шкалы значений, один конец которой связан с идеей уверенной достоверности (ср. такие языковые единицы, как *несомненно, конечно, действительно*), а другой – уверенной недостоверности (*невозможно, невероятно*); между ними расположена зона значений так называемой проблемной или проблематичной достоверности (*возможно, вероятно, маловероятно, вряд ли*). В настоящей статье нас интересует значение уверенной достоверности, в литературе оно также называется «категорической достоверностью»¹ [5: 41–42], или просто «достоверностью» [8: 162], или «реальностью» [1: 76–104], [3]. Последнее обозначение кажется нам предпочтительным, поскольку наводит на размышления о разных гранях реальности.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ КАК КЛАСС ЕДИНИЦ

Какие же языковые выражения принято относить к маркерам реальности? В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» [1: 76–104] соответствующая группа включает такие единицы, как *действительно, в действительности, в самом деле и на самом деле*. Представляется, что выбор составителей вполне оправдан в том смысле, что это действительно ее центральные, стилистически нейтральные, члены. Маркер *на самом деле* получил широкое освещение в литературе в связи с его резко возросшим употреблением в 2010-е годы: предметом анализа становились его отношения с паронимом *в самом деле* [2], [4], [9], а также его прагматикализация и превращение в слово-паразит [6].

Однако класс маркеров реальности этим не исчерпывается. В статье О. М. Исаченко [3] дополнительно упоминаются выражения *на деле, в реальности, реально, в реале, натурально и в натуре*, хотя подробного описания они не получают. На наш взгляд, есть и другие единицы, которые могут претендовать на соответствующий статус, но они пока не обратили на себя внимание исследователей. Такое положение дел обусловлено открытым, динамическим характером рассматриваемой группы [3: 32], да и дискурсивных маркеров в целом: лингвисты не всегда успевают их вовремя фиксировать. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые выражения, которые стали использоваться в качестве маркеров реальности в последние три десятилетия. Цель исследования состоит в том, чтобы на основании корпусных данных проанализировать функционально-семантические особенности их

употребления и обосновать их принадлежность к группе маркеров реальности.

Для того чтобы расширить границы группы и включить в нее новые члены, следует убедиться в том, что они удовлетворяют набору признаков, свойственных маркерам реальности. Каковы эти признаки? Прежде всего это общая для всех дискурсивных маркеров функциональная направленность, связанная с обеспечением организации дискурса-как-процесса (ключевая особенность, выделенная еще в книге Д. Шиффрин [10]). Помимо этого, нетрудно заметить, что многие дискурсивные маркеры представляют собой лексикализованные словоформы (*послушай, видите ли, на деле, в принципе, в общем, по существу и др.*); это свойство, впрочем, не является необходимым.

Перейдем теперь к дифференциальным свойствам именно маркеров реальности. О. М. Исаченко [3] пишет, что эти единицы актуализируют смыслы 'достоверность' и 'уверенность'. Заметим, что данные семантические компоненты могут сочетаться в разных пропорциях у разных маркеров, а также у одного и того же маркера в разных контекстах. По-видимому, преобладание компонента 'достоверность' отличает стилистически нейтральные выражения *в действительности и действительно*.

Напротив, употребление маркера *на самом деле* (особенно в инициальной позиции, с характерной восходяще-нисходящей интонацией и паузацией в конце) часто подчеркивает не столько достоверность информации, сколько уверенность говорящего в истинности, реальности некоторого положения дел. Интонационная выделенность и паузация придают данному выражению экспрессивную окраску. Произнося его, говорящий претендует на большую осведомленность и, следовательно, более высокий коммуникативный статус и власть над собеседником (с точки зрения социолингвистической оппозиции власти и солидарности [7]). Все это отличает многие употребления маркера *на самом деле*²:

(1) «*На самом деле*, если кто-то раньше успешно выполнил определённую работу, вряд ли он повторит этот результат снова» [Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004];

(2) «А *на самом деле* самолёт-то и лётчик скоро вернутся, но мы этого уже не увидим» [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

Преобладание компонента 'уверенность' свидетельствует о субъективизации значения (в том смысле, в котором этот термин использует Э. Трауготт [11]); со временем эта тенденция может приводить к десемантизации, превращению

языковой единицы в слово-паразит. Таких примеров употребления рассматриваемого маркера тоже немало:

(3) «*На самом деле* мы понимаем, что льготами пользуется не самая бедная часть населения, бедные получают лишь пятую часть нынешних льгот» [Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31].

Возвращаясь к общим чертам маркеров реальности как группы языковых единиц, следует отметить лексикографический аспект: если новый ее член получает лексикографическое описание, то дефиниция обычно строится по синонимическому типу, посредством отсылки к центральным представителям (*в действительности, действительно, в самом деле*).

Подводя итог, перечислим характерные черты маркеров реальности: специфическая функциональная нагрузка, лексикализованность, сочетание смыслов 'достоверность' и 'уверенность', интонационная выделенность, заявка говорящего на более высокий коммуникативный статус, десемантизация и употребление в качестве слова-паразита, словарное толкование через нейтральные синонимические выражения. Не все признаки являются обязательными, но чем их больше, тем более оправдано включение единицы в соответствующую группу. Основным методом исследования является семантический анализ маркера в окружающем его контексте; дополнительно привлекаются лексикографические материалы (при их наличии).

Руководствуясь вышеизложенным, обратимся к анализу материала. В качестве новых маркеров реальности будут рассмотрены предложно-падежные формы *в натуре, в реале, по жизни и по факту*. Их употребление в специфической функции дискурсивных слов приходится на последние три десятилетия и обусловлено как социальными изменениями, так и научно-техническим прогрессом.

В натуре

Оборот *в натуре* как метакоммуникативный элемент стал широко известным в 1990-е годы, когда он, как и многие другие элементы блатного языка, покинул узкие рамки уголовного жаргона и вошел в разговорную речь: сначала в околокриминальных кругах «новых русских», а затем и шире³.

Примечательно, что из всех рассматриваемых в данной статье маркеров именно он описан в наибольшем числе лексикографических источников. Из ранних фиксаций отметим Толковый словарь уголовных жаргонов, где оборот *в на-*

туре получает дефиницию «В самом деле»⁴. Она вполне соответствует, например, такому употреблению:

(4) [Кирпич (Станислав Сададьский, муж, 28, 1951)] «Ну что ты хочешь / чтоб меня порезали / *в натуре*?» [Станислав Говорухин, Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Место встречи изменить нельзя, к/ф (1979)].

Другие словари тюремного жаргона склонны выделять два значения, где первое описывает функционирование рассматриваемого слова в качестве наречия или вводного слова с отмеченным выше значением 'действительно, в самом деле', а второе охватывает его экспрессивные употребления, связанные с выражением эмоций⁵. При этом спектр эмоций в разных словарях различается: от сугубо отрицательной экспрессии до широкого спектра прагматических значений, связанных с выражением одобрения, удивления, осуждения, угрозы, побуждения к чему-л.⁶

В связи с расширением сферы употребления данный оборот получил фиксацию и в словарях общего языка. Так, Большой толковый словарь русского языка выделяет следующие лексико-семантические варианты: «1) в значении наречия. В самом деле; 2) в значении междометия. Выражает удивление, одобрение»⁷. Примечательно, что второе значение здесь ограничивается положительной или нейтральной экспрессией.

В некоторых случаях рассмотренные два типа употреблений отчетливо дифференцируются. Так, имеются примеры использования данного оборота в качестве наречия со значением достоверности:

(5) «Я никогда не видел *в натуре* такое количество народу» [Василий Катаян. Лоскутное одеяло (1990–1999)];

(6) «Разговор, который здесь имеет несколько дружную, литературную, что ли, форму, *в натуре* был длиннее и невнятнее и происходил, естественно, дольше» [Сергей Есин. Марбург (2005)].

С другой стороны, есть значительное число случаев употребления данного оборота как междометия и даже слова-паразита, где смысловое содержание весьма размыто:

(7) «– Ты лучше за дорогой смотри, *в натуре!*» [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)];

(8) «Во сколько? – Не, ну ты чё, *в натуре!* Нам туда тащиться!» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Следует заметить, что на письме (в отличие от устной речи, где просодические характеристики играют важную роль) эти два типа употреблений не всегда можно четко разделить. Из-за диффузии значений происходит слияние эпистемической оценки и эмоциональной реакции:

(9) «Да я всем неплохим во мне обязан книгам, **в натуре**» [Василий Аксенов. Негатив положительного героя (1996)];

(10) «Зачем, **в натуре**, любить бандитов и мафиози?» [Игорь Мартынов. Шовинист (1997) // «Столица», 17.06.1997];

(11) «– Ни хрена! Не сумеет, **в натуре!** – Стрижу не давали слова, но он вылез сам, понимая, что сейчас скажет в жилу Телеге и поддержит себя еще разок» [Сергей Таранов. Мстители (1999)];

(12) «– Сам знаешь, за что, – откликнулся Валек. – **В натуре**, не знаю! – За Лариску, вот за что» [Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)].

Согласно данным НКРЯ, пик частотности рассматриваемого оборота был пройден в 1997 году, после чего он еще некоторое время сохранялся в активном употреблении, однако все чаще использовался в иронических контекстах в качестве элемента «чужой речи»:

(13) «Мол, мы уже не в малиновых пиджаках и с пепьями. Мы, **в натуре**, высокое искусство понимаем. А где же на всех раритетов набраться?» [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)].

Сохранится ли лексикализованная форма *в натуре* как дискурсивный маркер? Рискнем предположить, что едва ли. В силу своей прочной ассоциации с ушедшим феноменом «новых русских», этот маркер, скорее всего, останется в истории языка как характерная примета времени. Высокая скорость, с которой подобные выражения входят в язык и выходят из него, в целом типична для дискурсивных маркеров.

По жизни

Корни выражения *по жизни* также лежат в блатном жаргоне, на что указывает его присутствие в словаре В. С. Елистратова⁸, а также первое значение, выделенное В. В. Химиком «В обычной жизни, за пределами зоны, тюрьмы» (с пометой *жарг.*)⁹. Как и рассмотренный выше оборот *в натуре*, выражение *по жизни* вошло в язык и стало активно употребляться в 1990-е годы: словарь Ермаковой, Земской и Розиной характеризует его как очень частотное¹⁰. Однако, в отличие от оборота *в натуре*, оно не имело прочной ассоциации с преступными группировками того времени. Оно было также лишено скабрезных коннотаций, присущих последнему (связанных с сочетанием идей обнаженности и использования в качестве платежного средства). Таким образом, у оборота *по жизни* было меньше сдерживающих распространение факторов, и оно широко проникло в узус. Словарь-справочник новых слов и значений снабдил его пометой «разговорное»¹¹.

Что касается семантического описания, оно различается в разных словарях по количеству и качеству смысловых элементов. При этом стабильно фиксируется значение, связанное с отсылкой к некоему реальному, практическому положению дел, ср. дефиницию «В реальной жизни»¹². В наиболее эксплицитном виде эта мысль выражена в «Словаре русского сленга»: «На самом деле, в действительности. В бытийном, экзистенциальном плане (в отличие от спекулятивного плана)»¹³. И действительно, во многих контекстах отсылка к реальному положению вещей противопоставляется умозрительным построениям или описаниям «на бумаге» (это же, кстати, характерно для маркера по факту – см. ниже):

(14) [Задорнов, муж, экономист] «Я думаю / **по жизни** будет немножко иначе / **по жизни** немножко тот же уровень и будет в следующем году» [Беседа О. Бычковой с экономистом М. Задорновым в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)];

(15) [Шойгу, муж, чиновник] «Поэтому эти планы отработаны достаточно давно и отработаны не на бумаге / а **по жизни**» [Беседа А. Венедиктова с С. Шойгу в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)].

Указанным значением, однако, функционирование оборота *по жизни* не исчерпывается. Вот некоторые примеры:

(16) «– Ну ты, на выхлопе, ты чё? – сказала Валька Барби, помимо своей воли нежно улыбаясь. – Я вообще **по жизни** пишу с ошибками, я из школы ушла в четвёртом классе, несправедливо поступили со мной» [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996];

(17) «С учителями и преподавателями мне **по жизни** везло» [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].

Подобные употребления мотивированы семантикой существительного *жизнь*, включающей темпоральный аспект. Они охватываются производным значением, фиксируемым в ряде источников: «Во всех случаях, все время, постоянно»¹⁴, «В течение всего существования; всегда, постоянно»¹⁵, «Всегда, во всех случаях, постоянно»¹⁶.

Трактовка данного выражения как полисемичного, однако, осложняется высокой диффузией значений. Многие примеры трудно однозначно отнести к какому-то одному из значений: они сочетают в себе оба семантических компонента:

(18) «Не кот, а полноценный член нашей семьи. **По жизни** психолог, Казанова и боец. К каждому имел свой подход» [Инна Ошевнева. Его высочество Том // «Дальний Восток», 2019];

(19) «А чем вы, если не секрет, занимаетесь? Ну, то есть вообще, **по жизни**? – Я художник, – отвечает

парень, почему-то не чувствуя в своём ответе никакой лжи» [Ю. И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016].

В разговорной речи (устном подкорпусе НКРЯ) встречаются примеры десемантизации рассматриваемого оборота:

(20) [И. А. Ямшиков, муж, 50, 1959, член Российского союза ветеранов Афганистана] «То есть ну / некоторых было сразу видно / что вот он “тютя-матютя” там / так он и щас *по жизни* там “тютя-матютя”» [Интервью с членом Российского союза ветеранов Афганистана И. А. Ямшиковым (2009)].

Дискурсивный маркер *по жизни*, хотя и показывает некоторое уменьшение частотности в последние годы, все же остается в активном употреблении, чему, по-видимому, способствует его довольно широкая и размытая семантика, а также отсутствие стилистической сниженности.

В реале

Выражение *в реале* своим происхождением обязано не социальным изменениям, а научно-техническому прогрессу, а именно появлению персональных компьютеров и быстрому распространению Интернета. Возникшее понятие *виртуальный мир* противопоставлялось привычной действительности, «реальному» миру. Соответственно, в разговорной речи сложилась оппозиция «*в реале* – *в виртуале*»:

(21) «Просто наша реальность шире вашей, просто мы живем в двух измерениях – и *в реале*, и в виртуале» [А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)];

(22) «Событие еще не состоялось, а *в реале* и виртуале уже разгорелась ожесточенная дискуссия: имеют ли право благотворители взывать к каким-либо чувствам, кроме совести» [Анна Титова. Стриптиз для нищих // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011].

Впрочем, сейчас уже можно констатировать, что выражение *в виртуале* не прижилось в русском языке. Напротив, *в реале* стало стремительно набирать популярность и употребляться отдельно, без выраженного второго члена оппозиции:

(23) «Очень скоро и совершенно неожиданно для себя Ольга получила короткий, но вполне дружелюбный ответ от актрисы, робко написала еще раз, боясь поверить своему счастью, и уже через месяц они вступили в активную переписку, а через два – встретились и познакомились лично, или, как принято говорить, “*в реале*”» [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

Оборот получил фиксацию в словаре В. В. Химика с дефиницией ‘В действительности, на самом деле’ (с пометой *молодежное*)¹⁷.

Дальнейшее семантическое развитие оборота *в реале* связано с осмыслением его в качестве отсылки к «миру вещей», противопоставленному уже не виртуальному миру, но «миру идей», так называемым возможным мирам (произведений литературы, кино и пр.), а также описаниям и изображениям реальной действительности:

(24) «В идеале профессия вождя это точное совпадение обещаний и выполнений, но *в реале* это далеко не всегда так» [Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)];

(25) «Во сне видела много раз, но *в реале* это был первый опыт» [Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)];

(26) [Фюльгья (жен)] «Юрский и Тенякова, муж и жена “*в реале*”, играют тоже мужа и жену» [Форум: Любовь и голуби (2007–2011)];

(27) «*В реале* все это, разумеется, подстроено хитроумными киношниками, но пес верит, что он – особенный, и верит, что все происходит на самом деле» [И. В. Козлов. О мышках и людях // «Волга», 2009];

(28) [Roberta (жен)] «Эскиз скрадывает это, а *в реале* получится не очень хорошо» [Форум: Апгрейд дачной кухни (2011–2013)].

Наряду с расширением значения по линии компонента ‘достоверность’ (о чем свидетельствуют примеры выше) происходит усиление и другого актуального компонента – ‘уверенность’, что приводит к десемантизации оборота и его употреблению в качестве слова-паразита:

(29) [№ 2, жен, 18, 1989, студент] «Я тебе *в реале* говорю / с ней что-то происходит!» [Разговор двух подруг в машине (2007)];

(30) [Гость (nick)] [] «Она *в реале*, сюда сейчас редко заходит» [Форум: Куда вы подевали Альку? (2009–2012)].

Нетрудно заметить, что оборот *в реале* фактически дублирует маркер *реально*, который не рассматривается в данной статье, поскольку имеет гораздо более длинную историю употребления, очевидно, выходящую за рамки последних трех десятилетий. Примечательно, что маркер *в реале* не только вошел в язык гораздо позднее, но вполне вероятно, что и выйдет из него гораздо раньше: график распределения по годам демонстрирует быстрый рост употребления в начале 2000-х годов с пиком в 2007 году, а затем приблизительно столь же резкое снижение вплоть до нулевой отметки в 2020 году (в основном подкорпусе НКРЯ).

По факту

По-видимому, самым «молодым» членом группы маркеров реальности является выражение *по факту*, которое стало употребляться не ранее 2010-х годов, хотя этот наш вывод основывается исключительно на «ручном» анализе материалов НКРЯ. Если опираться

на график распределения по годам, результаты искажаются за счет бюрократических оборотов из полицейско-следственного жаргона типа *по факту совершения преступления, по факту кражи* и т. п. По-видимому, маркер *по факту* появился в результате опущения синтаксического актанта (лексически вариативного) и закрепления инвариантной части в качестве самостоятельной единицы.

Данный оборот не включен ни в один из известных нам словарей. Анализ контекстов его употребления выявляет семантическую неоднородность, позволяющую выделить несколько значений. Одно из них (рискнем допустить, что исходное) – наречное, связанное с выражением компонента ‘достоверность’ и совпадающее со значением слова *фактически*. В этом случае реальное положение дел противопоставляется официальным заявлениям и формальным, закрепленным «на бумаге» декларациям:

(31) [№ 5, муж, 45, 1958, предприниматель] «Он как Ельцин говорит одно / а *по факту* действия слабые / вялые / неконкретные» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003)];

(32) [Дмитриева, жен, депутат] «Все по идеям и декларациям / за / а *по факту* у нас никаких преимуществ инновационному бизнесу / связанному с наукой / нет никаких преференций» [Беседа В. Варфоломеева с О. Дмитриевой в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)];

(33) [Александр Иванчик, муж, 39, 1971, ученый] «Поэтому формальный приоритет остался за американским спутником / хотя *по факту* наши открыли это излучение гораздо раньше» [Александр Иванчик. Космология. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)];

(34) «Струве был официально приемным сыном издательницы Калмыковой, но *по факту* в течение трех лет – ее любовником» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

Другое значение образовано посредством семантического сдвига, связанного с темпоральным аспектом значения. Если в исходном значении формальная и фактическая ситуации противопоставляются в синхронном срезе, то в производном это не так: выражение *по факту* акцентирует сложившееся положение вещей, не совпадающее с первоначальным планом, прогнозом и т. п. В этом значении оно оказывается синонимичным оборотам *в итоге* и *в результате* (ср. также недавно возникшее разговорное *по итогу*):

(35) [№ 8, жен, 31, 1972, преподаватель] «Если бы знать / сколько запланировано и сколько *по факту!*» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003)];

(36) «*По факту* получила контора для своих – новой “научной бюрократии”, и на зарплаты сотрудников “Сколково” ушло почти в два раза больше бюджетных

денег, чем на все гранты для поддержки проектов» [В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя. Доминированием в технологиях – можно // «Огонек», 2016];

(37) «По плану утренняя литургия должна было длиться до 7 утра, но *по факту* закончилась после 8:30, когда мы уже смирились с мыслью, что ей не будет конца» [Паломничество на Афон (2019)].

Дальнейшее семантическое развитие связано с еще большей автономизацией, при которой данный оборот (подобно рассмотренному выше маркеру *в реале*) начинает употребляться самостоятельно, вне какого-либо противопоставления, даже имплицитного. В этом значении *по факту* употребляется в качестве актанта слов *оплата, платить, оплачивать* и т. п.: соответствующая коллокация означает, что плата производится в момент получения товара или оказания услуги:

(38) [Юлия, жен, 29, 1978, студент] «Так там не долг был / а то / что мы должны оплатить *по факту*» [Разговор в семье утром (2007)];

(39) «Платите при входе или *по факту* доставки» [Е. Ю. Деготь. Венеция (2011)];

(40) «Как правило, предлагается ADSL со скоростью соединения 512 кб/с – 1024 кб/с, стоимость варьируется от 15 В/час в тайских районах до 60 В/час в местах скопления туристов (обычная стоимость – 40 В/час). Оплата обычно поминутная, *по факту*. В последние годы множество гостиниц и кондоминиумов предоставляют услугу WI-FI в номерах – зачастую платную» [А. С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013)].

Мы позволили себе уделить больше места маркеру *по факту*, чем остальным, потому что он позднее других вошел в язык и пока (насколько нам известно) не получил лексикографического описания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурсивные маркеры реальности – это подвижный класс единиц, в значении которых сочетаются смысловые компоненты ‘достоверность’ и ‘уверенность’. Соотношение этих компонентов у одного и того же маркера в различных контекстах может заметно варьироваться. Преобладание компонента ‘достоверность’ связано со стилистически нейтральным употреблением в качестве наречия со значением ‘действительно, в самом деле’. Напротив, доминирование компонента ‘уверенность’ характерно для десемантизированных употреблений в роли частицы или междометия, служащих для выражения широкого круга прагматических значений.

Наличие семантически и грамматически разнородных контекстов употребления позволяет констатировать полисемию, как это уже сделано в ряде лексикографических источников. В качестве основного значения выделяется наречное, связанное прежде всего с выражением

идеи достоверности или реальности. Эта реальность («мир вещей») может противопоставляться «миру идей» (мысленных представлений, планов, прогнозов и пр.), «миру слов» (официальных заявлений, формальных документов), виртуальному миру и прочим возможным мирам. В этом отношении каждый маркер имеет свои специфические особенности.

Производные значения маркеров реальности нередко образуются путем десемантизации и прагматикализации исходного значения, вплоть до использования оборота в качестве слова-паразита.

Вместе с тем отнесение того или иного употребления конкретного маркера к определенному типу значений затрудняется характерной для всех дискурсивных слов высокой диффузией значений. Помимо этого, как было показано

выше, семантическая структура маркеров реальности не всегда ограничивается двумя указанными типами значений.

Функционально-семантический анализ новых маркеров реальности наглядно демонстрирует влияние внешних (общественно-политических, научно-технических) факторов на язык. Как известно, подобные изменения наиболее активно затрагивают устную разговорную речь. Поэтому неудивительно, что дискурсивные маркеры как группа единиц, служащих для регулирования хода коммуникации, демонстрируют высокую динамику как с точки зрения вхождения в употребление (или выхода из него), так и в аспекте семантического развития. В этих условиях актуальной остается задача их своевременной фиксации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001. 18 с.
- ² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Заключение о частотности тех или иных выражений основывается на графике распределения по годам.
- ³ В рамках настоящей статьи не рассматривается функционирование данного оборота в качестве свободного сочетания.
- ⁴ Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М.: СП Интер-ОМНИС: СП РОМОС, 1991. С. 32.
- ⁵ См.: Быков В. Русская фея: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München: Verlag Otto Sagner, 1992. С. 30; Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М.: Метатекст, 1997. С. 46; Елистратов В. С. Словарь русского аргю. М.: Русские словари, 2000. С. 67; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 377; Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 497.
- ⁶ Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М.: Кампана, 1997. Т. 1. С. 66.
- ⁷ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 605.
- ⁸ Елистратов В. С. Словарь русского аргю. М.: Русские словари, 2000. С. 346.
- ⁹ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 248.
- ¹⁰ Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. С. 100.
- ¹¹ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 582.
- ¹² Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. С. 100; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 184.
- ¹³ Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М.: Метатекст, 1997. С. 174.
- ¹⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 184.
- ¹⁵ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 582.
- ¹⁶ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 248.
- ¹⁷ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2. С. 238.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 206 с.
2. Буглак С. И. В самом деле или на самом деле (о явлении паронимии в языке) // Русская речь. 1994. № 2. С. 54–58.
3. Исаченко О. М. Дискурсивные маркеры реальности: семантика достоверности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2. С. 25–33.
4. Корсакова Ю. И. Дифференциация дискурсивных маркеров устной речи «на самом деле» и «в самом деле» // Челябинский гуманитарий. 2017. № 4. С. 28–31.

5. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–48.
6. Северская О. И. Слова-паразиты как бы, на самом деле и достаточно // Наука и жизнь. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/> (дата обращения 10.09.2023).
7. Скребцова Т. Г. *Смотрите и слушайте* как маркеры власти и солидарности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 64. С. 109–119. DOI: 10.17223/19986645/64/8
8. Швец В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории детской речи. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 161–180.
9. Шимидзу Т. Значение и употребление коннекторов «в самом деле» и «на самом деле» // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: МАКС Пресс, 2007. С. 300–301.
10. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
11. Traugott E. C. From polysemy to internal semantic reconstruction // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1986. P. 539–550.

Поступила в редакцию 14.09.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatiana G. Skrebtsova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7825-1120; t.skrebtsova@spbu.ru

V NATURE, PO ZHIZNI, V REALE, PO FAKTU: NEW MARKERS OF AUTHENTICITY

Abstract. The paper examines new discourse markers of authenticity expressing epistemic modality that have come into use in the Russian language over the past three decades and still lack a detailed scholarly description. Drawing on the data from the Russian National Corpus, the author analyzes their semantic features as well as common usage patterns. Among them, a combination of ‘authenticity’ and ‘confidence’ semes common for all the discourse markers of authenticity is pointed out, along with a frequent trend towards semantic bleaching and pragmaticalization. In dictionaries, these markers tend to be defined with reference to other, more central, members of the group. They are often treated as polysemic, due to the grammatical and semantic heterogeneity of contexts in which the markers occur. However, such categorization often fails because of the blurred boundaries between meanings. The yearly distribution chart (a Russian National Corpus tool) demonstrates a high mobility of the markers concerned which calls for their prompt and comprehensive description.

Key words: discourse marker, marker of authenticity, epistemic modality, desemantization, pragmaticalization, subjectification

For citation: Skrebtsova, T. G. *V nature, po shizni, v reale, po faktu: new markers of authenticity. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2024;46(5):36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1056

REFERENCES

1. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. A guide to Russian discourse markers. Moscow, 1993. 206 p. (In Russ.)
2. Buglak, S. I. *V samom dele or na samom dele* (on paronymy in language). *Russian Speech.* 1994;2:54–58. (In Russ.)
3. Isachenko, O. M. Discursive markers of reality: semantics of certainty. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2012;11(2):25–33. (In Russ.)
4. Korsakova, Yu. I. “Indeed” (na samom dele) and “actually” (v samom dele) oral speech discourse markers differentiation. *Chelyabinsk Humanitarian Journal.* 2017;4:28–31. (In Russ.)
5. Panfilov, V. Z. Modality and its role in constituting the sentence and judgement structure. *Topics in the Study of Language.* 1977;4:37–48. (In Russ.)
6. Severskaya, O. I. Sentence fillers *kak by, na samom dele* and *dostatochno*. *Nauka i zhizn.* 2004;5. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/> (accessed 10.09.2023). (In Russ.)
7. Skrebtsova, T. G. The Russian verb forms *smotrite* and *slushayte* as markers of power and solidarity. *Tomsk State University Journal.* 2020;64:109–119. DOI: 10.17223/19986645/64/8 (In Russ.)
8. Shvets, V. M. Subjective (epistemic) modality and its manifestation in the child’s language. *Semantic categories of child’s language.* St. Petersburg, 2007. P. 161–180. (In Russ.)
9. Shimidzu, T. The meaning and use of the connectors *v samom dele* and *na samom dele*. *Proceedings of the III International Congress of the Russian Language Researchers “The Russian Language: Pages of History and Modernity”.* Moscow, 2007. P. 300–301. (In Russ.)
10. Schiffrin, D. Discourse markers. Cambridge, 1987. 364 p.
11. Traugott, E. C. From polysemy to internal semantic reconstruction. *Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society.* Berkeley, 1986. P. 539–550.

Received: 14 September 2023; accepted: 15 May 2024